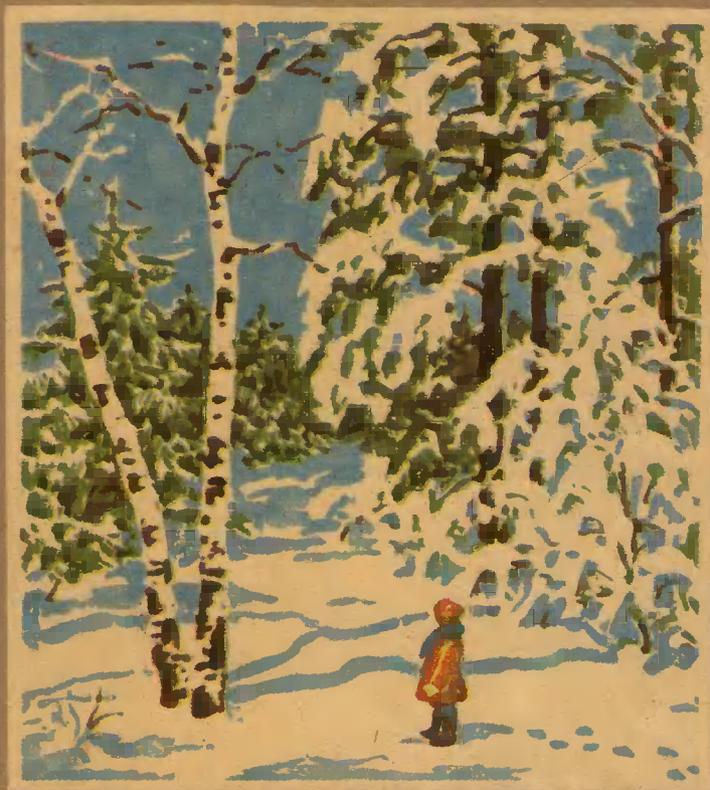

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Т Черноголовина

—
ХРУСТАЛЬНЫЙ
ЛЕС

*Издательство
„Детская литература“*

Г. ЧЕРНОГОЛОВИНА

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛЕС

РАССКАЗЫ

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

Все люди одинаково видят мир или не все?

Вот хотя бы Катя и Эдик. В одном классе учатся, за одной партой сидят, а видят всё по-разному. Даже зимняя черёмуха, что стоит у школьного крыльца, Кате кажется хрустальной, а Эдик уверяет, что на ней просто ледышки: стукнул палкой — и нет их.

Бывает и так, что человек смотрит на вещи сначала одними глазами, а потом совсем другими.

Чего бы, казалось, интересного можно найти на огороде? Картошка да капуста. Вовка из рассказа «Дед-непосед и его внучата» так и рассуждал. А потом узнал, что огород бабушкин не простой, а первый в таёжном посёлке Новом. Может, ещё год назад там, где растут картошка и капуста, бродили медведи, рыскали злые волки. Тайга не хотела упускать своих владений, она послала на маленький бабушкин огород прожорливых жучков, и Вовка смело встал на защиту картошки и капусты, которые ещё недавно совсем его не интересовали.

Да, во всём можно увидеть интересное, значительное, красивое, нужно только внимательно приглядеться.

Рисунки Б. Винокурова

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛЕС

Пекла бабушка оладьи. Сняла последние со сковородки, глядь — а на дне миски ещё маленько теста осталось; соскребла его бабушка ложкой да шлёп на середину сковородки — не пропадать же добру. И получился оладушек, маленький, кругленький, с двумя дырочками, будто чей носик торчит, того и гляди, зашмыгает. Только носик, а больше ничего...

— А если вот эдак? — улыбнулась бабушка и разложила на тарелке вокруг оладушка два лесных коричневых орешка, пару лепестков шиповника да ягодку клюквинку.

— Ты чего это, старая, забавляешься? — удивился дед.

— Да вот мечтаю: была бы у нас внучка эдакая — глазки, как орешки, щёчки, как цветочки, а ротик, как клюквинка.

Не успел дед засмеяться над бабушкой, глядь — а тарелка-то пустая... И стоит в дверях девочка: глазёнки карие, как лесные орешки спелые; щёчки — ни дать ни взять, цветы шиповника, и рот точно клюквинка. Шмыгнула девочка маленьким носиком, а потом как запрыгает!.. И назвали девочку Катя-попрыгунья...

Эту историю Кате Жданкиной её бабушка поведала, Катя подружкам рассказала, а подружки смеются и говорят, что это сказка.

Может, и сказка, только почему же тогда, если пойдёт Катя в лесок, что за селом, орехи собирать, все орешки так и просятся к ней в руки, так и выглядывают из-под резных листочков. У подружек ещё только уголки мешочков набьются, а Катин мешочек завязывать пора...

А попросится Катенька с бабушкой за клюквой, так берестяные корзиночки — чумашки — у неё мигом до краёв полнятся, будто ягоды сами к Кате в чумашку прыгают.

— Эдак, эдак,— смеётся бабушка.— Родню чуют...

И букеты с лугов Катя приносит домой всегда такие красивые, такие душистые, что пчёлы со всего села слетаются, выются над цветами, а Катю не трогают.

Нынче Катя в школу пошла, некогда ей стало по лугам да по лесочкам бегать. Учительница ей понравилась. Молодая, весёлая. Антониной Ивановной зовут. Платье на учительнице всё в цветах, как луг в июне. Засмотрелась Катя на цветы и даже не поняла, что ей пора садиться, ведь все ребята уже сели. Антонина Ивановна взяла Катю легонько за руку и сказала:

— Будешь вот за этой партой сидеть.

За партой уже сидел один мальчик. Волосы у него были белые, кудрявые, а лицо и руки загорелые-загорелые. Уж на что Катя всё лето на солнышке была, и

то не такая смуглая. Улыбнулась она мальчику, а тот даже и не смотрит на неё; сложил руки на парте и глаз с учительницы не сводит: куда Антонина Ивановна, туда и он глазами. «Наверно, ему тоже платье нравится», — подумала Катя. Сидела, сидела, потом толкнула мальчика в бок и сказала:

— А я тебя знаю. Твоя мама в больнице работает. Она мне зуб молочный вытащила, а у меня уже новый вырос. Вот посмотри.

Но мальчик даже не обернулся.

— Ты глухой, что ли? Как тебя зовут? — не унималась Катя.

Мальчик поднял руку.

— Антонина Ивановна, она мне мешает...

— Я ему не мешаю, — растерялась Катя. — Я только не знаю, как его зовут...

— Его зовут Эдик, — улыбнулась Антонина Ивановна. — Вы будете дружить, правда?

— Обязательно будем, — пообещала Катя.

— Ты невоспитанная, — сказал Эдик, когда прозвенел звонок. — Разве можно разговаривать на уроке? Больше никогда так не делай. Поняла?

— Поняла, — сказала Катя. — А где ты так загорел?

— Мы на Чёрное море ездили. Я, папа и мама.

— На Чёрное... Там все так чернеют, да? Там вода такая?

— Вот глупая! Чернеют не от воды, а от солнца. А вода там морская, прозрачная.

Когда стали писать палочки, оказалось, что у Кати палочки, как деревья в лесу, — и туда и сюда клонятся.

Зато у Эдика палочки получились, как забор у сельского парка: все прямые, все одинаковые.

— Почему у тебя такие палочки красивые? — спросила Катя на перемене.

— А потому, — сказал Эдик, — что меня мама

научила. Я ещё зимой палочки и крючки писал. И потом, когда с Чёрного моря приехали, опять писал. А ты что делала?

— А я орехи собирала, за голубицей ходила... С папой на оморочке рыбачить ездила...

— Ну вот... Что с тебя спрашивать!

Вскоре Катя научилась писать палочки и крючки не хуже Эдика, но он почему-то этого не заметил, хотя Кате очень хотелось, чтобы заметил. А хвастаться она не любила.

Как по-вашему, это хорошо или плохо, если обо всём, обо всём учительнице говорить?

Конечно, скрывать, когда в классе кто-нибудь набедокурит, никому не простительно. Ну, а если по каждому пустяку руку поднимать, тогда что?

В классе то и дело слышен голос Эдика:

— Антонина Ивановна, а Владик на переменке на черёмуху лазил!

— Антонина Ивановна, а у Серёжи Наумова одно ухо грязное...

Скажет он так, и у Антонины Ивановны словно тучка на лицо набежит. И в классе сразу пасмурней становится.

А Эдик сядет на место, сложит руки на парте и опять не шелохнётся. Катю, хоть это и нехорошо, так и подмывает поддразнить Эдика. Вот Антонина Ивановна говорит:

— Ребята, закончите эту строчку и больше не пишите.

Все ребята дописывают строчку и кладут ручки. Катя, искоса поглядывая на Эдика, прикрывает свою тетрадь промокашкой и делает вид, что хочет писать ещё одну строчку. Эдик поспешно поднимает руку. Он даже привстал с места и не замечает, что Катина ручка уже лежит на парте.

— Антонина Ивановна, а Жданкина ещё одну строчку пишет...

— Вот и нет! — торжествует Катя. — Всё он выдумывает. Посмотрите сами, Антонина Ивановна...

Лесные орешки лукаво поблёскивают, а клюквинка в брусничинку превратилась: Катя крепко-крепко сжала губы, чтобы не засмеяться. Эдик растерянно моргает и заглядывает в Катину тетрадь. Там и вправду нет лишней строчки.

А через несколько дней Катя что-нибудь новое придумает. Возьмёт, например, бумажку от конфеты и начинает ею потихоньку шелестеть. А когда Эдик наострит уши, сделает вид, что сосёт конфету.

Эдик косится на бумажку, на Катины щёки. Наконец не выдерживает:

— Антонина Ивановна, а Жданкина конфету «Счастливое детство» сосёт!

— Ничего я не сосу, Антонина Ивановна, честное слово! — Катя встаёт и разводит руками. — Вот я и язык покажу, чистый ведь, правда?

— А бумажка? Вот она! — поднимает Эдик конфетную бумажку, упавшую с Катиных колен.

— А это фантик... Я их собираю. У меня уже много.

— И я фантики собираю... И у меня тоже есть... — слышатся голоса со всех сторон.

— Хватит, хватит, ребята, — успокаивает расхившийся класс Антонина Ивановна. — Фантики после уроков посмотрим, у кого какие. А сейчас подумаем все, сколько будет, если к четырём прибавить два...

...Один раз Катя слышала, как Антонина Ивановна на перемене спросила Эдика:

— Зачем ты, Эдик, мне всё время на своих товарищей жалуешься?

— А мне мама велела, — ответил Эдик. — Она сказала, если кто шалит, нужно обязательно вам говорить. Потому что вы молодая, и вам трудно с классом справляться.

Антонина Ивановна почему-то сильно покраснела.

— Знаешь что, Эдик, — сказала она. — Ты всё-таки попробуй мне поменьше помогать. Я, пожалуй, и сама справлюсь...

«Ну конечно, Антонина Ивановна и без Эдика справится, — подумала тогда Катя. — Ведь, наверно, больше никто не умеет так красиво писать на доске букву «а» и рисовать весёлых зайцев с морковками...»

Катя и Эдик ходят домой по одной улице. Эдику — дальше, Кате — ближе. Так Эдик всегда портфель у Кати отберёт и несёт всю дорогу, в одной руке свой, а в другой Катин. Катя сначала не хотела отдавать свой портфель:

— Что я, сама не донесу?

Но Эдик очень строго сказал:

— Мальчики должны всегда помогать девочкам, так мама говорит. А ты просто глупая и ничего не понимаешь.

Обидно Кате: неужели она уж и в самом деле такая глупая?

— Ты в Крыму была? — спрашивает Эдик.

Катя смущённо крутит головой.

— А Крым дальше или ближе Чёрного моря? — спрашивает она.

Эдик смеётся.

— Так там же и Чёрное море, глупая... Мы ещё в Сочи были. А ты нигде не была. Вот.

Кто-то поднёс к лесным орешкам спичку. Они ра-

зом вспыхнули и превратились в горячие угольки. Катя топает ногой:

— Я тоже была, тоже...

— Нигде ты не была, глупая.

— Нет, была, была!..

— Ну, где была?

— В хрустальном лесу была, вот где!

— Где?! — Глаза Эдика насмешливо щурятся. —

Эх ты, обманщица! Хрустального леса не бывает. Возьми свой портфель.

Тут только Катя замечает, что стоит возле своего двора. Она выхватывает портфель из рук Эдика и громко хлопает калиткой.

— А спасибо за тебя кто скажет? — кричит Эдик ей вслед.

Катя стоит во дворе, кусая губы: ну как доказать Эдику, что она и вправду была в хрустальном лесу?

Прошлой зимой Катя долго упрашивала папу взять её с собой в лес. Ей очень хотелось посмотреть, откуда папа возит на стройку новой школы большие, толстые брёвна.

— Ну ладно, — наконец сказал папа. — Только вставать надо ещё затемно. Я тебя долго будить не стану, один раз скажу «вставай», и всё. Не проснёшься — один уеду.

Когда папа встал, Катя уже сидела одетая и обутая, и лесные орешки были совсем круглые.

А вот когда закутанная Катя уселась рядом с папой в кабине и грузовик тронулся, ей захотелось спать. Девочка привалилась к мягкой спинке сиденья, от которой пахло бензином, и заснула...

Катя открыла глаза оттого, что машину сильно потрянуло: должно быть, попался на дороге толстый корень не выкорчеванного до конца дерева. Катя поглядела в окошко и тут увидела такое, что ей вмиг расхотелось спать...

Было ещё темно, и дорогу освещали только фары машины. Яркий сноп света скользил по белой накатанной дороге, выхватывая из темноты придорожные кусты и деревья. Странные были здесь деревья... Их ветви казались сделанными из стекла и горели разноцветными огнями. Где-то Катя уже видела такое. Да, да! Вот точно так же сверкали и переливались подвески на люстрах в Доме культуры, куда они ходили с папой и мамой встречать Новый год. Мама сказала,

что эти люстры хрустальные. Кате очень понравилось слово «хрустальные», оно такое звонкое, светлое...

«Ну конечно, этот лес тоже хрустальный!» — подумала Катя. Всё новые и новые деревья выступали из темноты, и на их ветвях также вспыхивали, переливались трепетные огни. Кате даже слышалось, как звенят, потихоньку ударяясь друг о друга, ветки ближних деревьев:

Дилинь-дон, дилинь-дон...

Это сказка или сон?

Вдруг на дорогу выскочил большой белый заяц, а за ним — лиса! Свет фар ослепил их, они заматались, не зная, куда укрыться от этого резкого, неожиданного света. Выхода так и не нашли и со всех ног пустились бежать прямо перед машиной по сверкающей дороге, уже не обращая внимания друг на друга...

— Ой, папа, не надо ехать так быстро, — схватила Катя отца за рукав, — ты же их раздавишь!..

Отец на мгновение затормозил машину и выключил фары. В смутном голубоватом рассвете Катя разглядела, как шарахнулись в разные стороны две тени — лиса и заяц. Лиса, наверно, с перепугу уже и позабыла, за кем гналась.

Папа снова включил фары, и снова засверкал, заискрился лес; казалось, будто в нём зажгли тысячи огней в честь какого-то большого праздника и все деревья кружатся в огромном хороводе...

Катя долго сердиться не умеет. На следующий день она опять шла домой с Эдиком, и опять он нёс её портфель и рассказывал, как он с папой и мамой катался на большом белом теплоходе по Чёрному морю...

— А он какой, пароход? Больше нашей школы? — спрашивала Катя.

— Глупая, не пароход, а теплоход. Конечно, больше, туда таких школ штук десять поместится, а то и двадцать. Вот.

Время летело быстро. Вот и снег выпал, и морозы ударили. А в декабре случилась небывалая в этих местах оттепель. Подул влажный весенний ветер, из обмякшего снега стало хорошо лепить снежки, и на реке затемнели полыньи. Можно было бы подумать, что уже весна, если бы не ночи, такие длинные, что в классе на первом уроке ещё горели лампочки.

В это утро Катя собралась в школу раньше обычного: ей давно хотелось прийти самой-самой первой и всё никак не удавалось. Когда она вышла из дому, ещё горело много звёзд. За ночь подмёрзло, и под галошами звонко хрустел ледок. Над школьным крыльцом светила большая яркая лампочка, а окна классов были ещё темны.

«Сегодня я самая первая!» — обрадованно подумала Катя и уже хотела вытереть ноги и взбежать на крыльцо, как вдруг словно кто тронул её за плечо. Катя подняла глаза и замерла в восхищении. У школьного крыльца росла черёмуха — это её ветку задела Катя. Черёмуха была высокая, развесистая. Весной она наряжалась в пышные белые кружева, а летом радушно угощала всех чёрной, вяжущей во рту ягодой. Со всей округи слетались к ней птицы, сбегались дети. А сорвут последнюю ягодку — и снова все забывают про черёмуху. Разве щеголеватый скворец усядется осенью на ветку отдохнуть по дороге в тёплые края и прочиркать прощальную песенку да какой-нибудь озорник просто так заберётся на самую макушку — того и гляди, обломит.

Черёмуха стояла тихая, неприметная, копила силы к весне, чтобы опять одеться в белые пахучие грозди.

Но в это утро черёмуху словно подменили. Она как будто сбежала из Катиного хрустального леса: точно так же искрились, переливались разноцветными огнями её ветви; тихо-тихо звенели они от лёгкого ветерка, и Кате почудилось, что она слышит в этом хрустальном звоне знакомую песенку:

Дилинь-дон, дилинь-дон...
Это сказка или сон?

— Ты чего здесь стоишь? — раздался сзади громкий голос Эдика.

— Смотри, Эдик, — почему-то шёпотом сказала Катя. — Черёмуха стала хрустальная...

Эдик громко засмеялся:

— Выдумщица ты, больше никто... Глупышка. Это же снег на ветках растаял, а потом они ночью обледенели. Мне папа говорил... Вот, смотри...

Он взял палку и стукнул по стволу. Черёмуха качнулась; тонкие льдинки, звеня, посыпались на мёрзлый снег.

— Поняла? — обернулся Эдик к Кате. — Давай поддержку портфель, пока ты ноги вытираешь.

Но Катя не отдала портфель, а вместо этого несколько раз стукнула им Эдика. От неожиданности Эдик заморгал глазами. Другой мальчишка на его месте наверняка дал бы сдачи, но Эдику мама не разрешала ни с кем драться.

— Вот погоди, — пригрозил он, — я Антонине Ивановне скажу!

— Ну и говори! — крикнула Катя, убегая. — Хоть десять раз говори!

Антонина Ивановна пришла в класс ещё до звонка. Эдик сразу подбежал к ней:

— Антонина Ивановна, а чего Жданкина портфелем дерётся?

— Как же так, Катюша? — спросила учительница, подходя к девочке.

— Да, а чего он черёмуху палкой бьёт?

— А пусть не говорит, что она хрустальная, — вмешался Эдик.

— Кто хрустальная? Катя или черёмуха? — удивилась Антонина Ивановна. — Ничего не понимаю. Ну-ка объясните мне.

И пришлось Кате рассказать всё-всё: и про хрустальный лес, и про зайца с лисой, только про песенку она ничего не сказала, потому что не была уверена, слышала ли её на самом деле.

— Видите, она всё выдумывает, — снова вмешался Эдик. — Не слушайте её, Антонина Ивановна. Хрустального леса и на свете нет, правда?

Антонина Ивановна ничего не ответила Эдику. Она только улыбнулась и сказала:

— Ребята, давайте оденемся и выйдем во двор.

— Зачем? — удивился Эдик. — Ведь сейчас не физкультура...

— Одевайся без разговоров! — неожиданно крикнула на Эдика Антонина Ивановна. — Мы идём на экскурсию, понятно?

Эдик обиженно замолчал и, сопя, стал натягивать пальто. Пока оделись и вышли, уже совсем рассвело, и лампочка над крыльцом, которую забыли погасить, была почти незаметна.

Катя сбежала с крыльца и остолбенела: где же хрустальное дерево? Черёмуха стояла тихая, задумчивая. С её ветвей свисала пушистая белая бахрама, такая лёгкая, что ветви ничуть не гнулись, и казалось, что на них распустились лёгкие белые листья... Так же тихо, торжественно, все в белом стояли и другие деревья вдоль школьной ограды. А небо было розовое от зари...

— Как красиво!.. — тихо прошептала одна из девочек.

— Точно в сказке... — добавила другая.

Антонина Ивановна ничего не говорила. Она задумчиво смотрела на черёмуху, и на её бровях, на шапочке, на воротнике тоже засеребрился, закурчавился иней.

— Зря только ходили! — сердито сказал Эдик. — Ничего особенного.

Все укоризненно посмотрели на Эдика, а Антонина Ивановна поправила на нём шарфик и почему-то вздохнула.

После уроков, когда стали собираться домой, Катя по привычке протянула Эдику портфель, но потом вспомнила об утренней ссоре и отдёрнула руку.

На дворе светило солнце, с крыш капало; крыльцо и деревянный настил возле него дымились, как весной. Черёмуха стояла у крыльца тёмная, невзрачная, с голыми узловатыми ветками — ни дать ни взять, Золушка, которая возвратилась с королевского бала и снова надела своё старенькое платье.

Эдик шёл впереди, не оглядываясь на Катю, даже уши его шапки сердито топорщились. Нет, Катя не могла, чтобы на неё долго сердились. Она догнала Эдика и спросила:

— А у Чёрного моря черёмухи растут?

— Вот глупышка! — обрадовался Эдик и взял у Кати портфель. — Там пальмы растут, кипарисы. Они вечнозелёные. А хрустальный лес только в сказке бывает. Поняла?

— Ага, — согласилась Катя.

Спорить ей больше не хотелось. Не всё ли равно? Ведь, если верить бабушке, и сама она, Катя, тоже из сказки. Может, поэтому она и видела хрустальный лес, а вот Эдик так и не увидел.

ДЕД-НЕПОСЕД И ЕГО ВНУЧАТА

Когда на высоком берегу среди густой зелени показались новые бревенчатые домики, мама напомнила Вовке:

— Бабушка будет тебя целовать. Смотри не увёртывайся. Слышишь?

Вовка вздохнул и кивнул головой, остриженной под машинку. Больше всего в жизни он не мог терпеть поцелуев. Мама уже и обижаться перестала: она понимает, что для Вовки лучше, чтобы его стукнули, чем поцеловали. Как-никак в третий класс человек перешёл. Пускай вон Мишутку сколько хотят целуют, ему только пятый год идёт, и он может часами тереться возле мамы, словно котёнок.

Пароход громко загудел и стал подваливать к берегу. Смуглый паренёк лет шестнадцати, в тельняшке с засученными рукавами, ловко спрыгнул на берег и закрепил канат. Вовка даже рот раскрыл от зависти. Он, пожалуй, тоже так смог бы...

— Вовик, да ты же не туда смотришь... Вон они, наши родные... Мишутка, помаши бабушке ручкой...

На берегу было много людей, встречавших пароход, но Вовка сразу разглядел своего плечистого высоченного деда. А вон и бабушка рядом, маленькая, сухонькая. Как только установили сходни, она первая взбежала на палубу и, конечно, в первую очередь начала целоваться.

— Милые вы мои...

Вовка с мученическим видом подставил щёку. Зато деду он был благодарен. Тот просто тряхнул его руку и сказал: «Здорово, внук!» Потом сгрёб Мишутку и посадил к себе на плечо: «Держись, медвежонок!» Свободной рукой он подхватил чемодан и пошагал, только сходни заскрипели.

— Ах ты, старый! — ворчала бабушка, семена следом. — Упустишь мальчика в воду.

— Ничего, — пробасил дед, придерживая немного испуганного Мишутку. — Он у нас цепкий...

Утром, ещё с закрытыми глазами, Вовка ощутил чудесный запах свежего дерева и вспомнил, что он в гостях у дедушки, в посёлке Новом. Он радостно потянулся и открыл глаза. Рядом сладко посапывал Мишутка. На потолке дрожал зайчик от круглого зеркальца, висевшего на стене. Потолок казался очень высоким, может быть, потому, что Вовкина постель была прямо на полу. Мишутка тоже проснулся и некоторое время молча разглядывал стены и потолок. Потом заметил:

— А у дедушки дом будто золотой...

И впрямь... Дом был только что построен, даже перегородок ещё не было, а штукатурить собирались осенью. Стены, пол, потолок — всё было из свежего золотистого дерева, дышало хвойным ароматом.

— Вова, а что вон там, на стенке, написано? — указал Мишутка. — Пошли, прочитаешь...

На одном из брёвен химическим карандашом были выведены угловатые буквы:

«5 мая сего года вошли в дом, первый в посёлке Новом».

А ниже:

«15 мая в первый раз включили электролампочку. 17 мая провели радио...»

— Летопись мою читаете? — гулко раздался в избе голос деда. — Читайте, читайте. Не вздумайте только у себя дома на стене такую завести. От матери трёпку заработаете. У меня что? Всё равно осенью штукатурить, и то бабка ворчит...

— Дедушка! — оживился Вовка. — А ведь химический карандаш долго держится, правда?

— Долго, а что?

— А вот через много-много лет будут здесь учёные раскопки делать, соскоблят глину с брёвен, а там всё-всё записано. Вот для них находка будет, правда?

— Правда... — серьёзно согласился дед, и только его пушистые усы почему-то вздрогнули. — Истинная правда.

Над плитой во дворе вился дымок: бабушка пекла оладьи. Рядом мама, присев на пенёк, чистила серебристых карасей. Бабушка наливала тесто на шипящую сковородку и жаловалась на деда:

— Всю жизнь вот так с ним мучаюсь, Дуняша... Как есть дед-непосед. За шесть лет на третье место перебрались. Только начнёшь обживать: к огороду приспособишься, курочек разведёшь — глядь, а он хмурый ходит и всё в усы что-то бормочет. Так и знай: скоро пожитки собирать...

— Плотник он. Вот и тянет его на новостройки, — возразила мама.

— Ты уж не заступайся! — Бабушка так сердито сбросила в тарелку оладьи со сковороды, что один подпрыгнул и шлёпнулся в траву.

Толстобокий чёрный щенок подскочил к нему, обжёг нос и обиженно завизжал.

— Пошёл прочь, негодник! — замахнулась бабушка поварёшкой. — Плотник, говоришь, — сердито продолжала она, — а что, мало плотников по тридцать, по сорок лет на одном месте живут? И всегда у них дело есть. Где сейчас не строят? Нет уж, такой характер у старого... Думала: на пенсию выйдет, образумится... Куда там...

Тут она заметила на крыльце Вову и Мишу и заговорила другим, ласковым голосом:

— Милые вы мои!.. Встали? Умывайтесь да сейчас оладушки будете кушать! Горяченькие, с маслом...

Вовка быстро управился с оладьями и пошёл искать деда, который уже давно успел позавтракать. От бабушки Вовка узнал, что мальчишек, таких, как он, в посёлке ещё нет. Строители приезжали сначала одни, без семей. Жаль, футбол гонять не с кем.

Заложив руки в карманы, Вовка чинно прошёл по тропинке между грядками с картофелем и капустой в конец огорода, где возился дед с киркой, выкорчёвывая большой пенёк.

— Дедушка, зачем ты его?

— Огород корчую, внук. Мало твоей бабке того, что раскорчевал, ещё надо. Каждый день вспоминает, какой у неё на старом месте огород хороший был.

— Тебе помочь, дедушка?

— Да спасибо, я уже кончаю. Сейчас гулять пойдём. Я ведь сегодня выходной. Ты пока к колодцу сходи, вон она, калитка.

Прямо за огородом начиналась тайга. Светлые берёзки и тёмные ели спускались с пригорка, протягивали ветви через ограду. Вова открыл калитку и пошёл по тропинке к колодцу. Сруб был новенький, такой же золотистый, как и весь дедушкин дом. Вовка заглянул в колодец и в голубом квадратике неба увидел круглоголового мальчишку с большими насторожёнными глазами. Вовка соорудил рожицу и крикнул: «Эй!» Мальчишка в колодце тоже соорудил рожицу, а эхо выпрыгнуло из колодца и покатилося по лесу.

«Теперь я знаю, почему деду на месте не сидится, — подумал Вовка. — Пока дом и всё вокруг дома такое свежее, золотистое — жить весело, а как побелят — всё обычным, скучным становится...»

— Пошли, орлы! — сказал дедушка, ставя кирку на место. — Покажу вам наш посёлок Новый.

По обеим сторонам улицы стояли дома, такие же

светлые, просторные, золотистые, как у дедушки. Только огородов возле них ещё не было и лишь в нескольких окнах виднелись занавески.

— Это всё наша бригада строила, — сказал дед. — Скоро переселенцы с семьями приедут, тогда здесь совсем весело будет. И у тебя товарищи появятся.

Дорога бежала за околицу и теперь огибала крутую остроконечную сопку, устремлённую ввысь, будто нос гигантского межпланетного корабля, который Вова видел на картинке в фантастической книжке.

— Дедушка, давай заберёмся на сопку!

— Ну что ж... — согласился дед.

— Ай, — испугался Мишутка, — сопка острая, мы уколемся!

— Не такая уж она острая, глупыш, — улыбнулся дед. — Ну-ка, прыгай ко мне на плечи...

Вова немного разочаровался, когда взобрались на сопку. Он думал, что они будут с трудом удерживаться на остроконечной вершине, рискуя быть сброшенными яростным ветром. Ничего подобного.

На плоской макушке была ямка, в ней росли жёлтые цветы и летали бабочки, которых тотчас принялся ловить Мишутка.

Сверху весь посёлок открывался словно на ладони.

— Дедушка, а там что? — показал Вова на песчаную насыпь, которая вела из леса к реке.

— Это узкоколейку, железную дорогу, строят, чтобы лес к реке подвозить, а потом сплавлять. У нас ведь здесь большой леспромхоз будет, Володя. В будущем году приедешь — не узнаешь. Такого понастроим!.. Люди быстро на месте обживаются: скот, птицу разведут, огороды посадят...

— Дедушка, а как же нынче?

— Что? — не понял дед.

— А где люди берут молоко, яички, картошку?

— Ты, оказывается, заботливый, — засмеялся

дед. — Совхоз здесь неподалёку, верстах в пятидесяти, туда, к городу... Да ты видал, наверно, когда ехал. Большое село! Вот оттуда баржами нам всё и возят. Это только твоя бабка думает, что без её огорода мы пропали бы.

Мимо проплывали пушистые облака. Вова засмотрелся на них, и ему показалось, что не облака, а он, Вова, вместе с дедушкой и Мишуткой плывёт на чудесном корабле в неведомые дали.

— Дедушка,— не выдержал Вовка,— ты знаешь, кем я буду?

— Кем же? Помнится, прошлый раз, как мы виделись, в лётчики мечтал пойти?

— Нет, дедушка. Я астронавтом хочу стать, понимаешь? На звездолёте буду летать!

— Ну, значит, всё равно лётчиком, — серьёзно сказал дед. — Только особым, межпланетным... Что ж, дело хорошее. Меня-то прокатишь на звездолёте?

— А тебе врачи позволят?

— Ну, а как же! Разве я больной? Это у бабки вечно перед дождём ноги ломит, ревматизм у неё. А я видишь какой! — И дед гордо выпрямился.

— Ну ладно, — поразмыслив, сказал внук. — Если комиссия разрешит, так и быть, прихвачу тебя.

На другой день мама уехала обратно в город, строго наказав Вовке слушаться бабушку, не пускать Мишутку к колодцу и не ходить далеко в лес.

А через неделю начались неприятности.

Вставши поутру, Вовка удивился, когда бабушка не захотела его поцеловать, как всегда. Она сердито передвигала кастрюли на плите. Дед, собираясь на работу, ходил как-то боком, будто виноватый.

Вовка припомнил все свои оплошности, но ничего более серьёзного, чем разбитое вчера блюдце, не обнаружил. Тогда он прислушался к бабушкиному ворчанию и понял: что-то случилось с огородом.

Вовка и сам замечал, что последнее время карто-

фельная ботва и огуречные листья стали никнуть и желтеть.

Оказывается, на растения напали странные рыжеватые жучки, похожие на божью коровку, только чёрных крапинок у них на крылышках было побольше.

Жучки жадно пожирали молодые зелёные листья.

— И чего я согласилась с ним сюда ехать! — причитала бабушка, будто не замечая деда, который топтался рядом. — Другие помоложе, да не поехали... а я... И там огород бросила, и здесь ничего... Тайга кругом, вот и лезет всякая пакость...

— Мать, а мать, — попытался прервать её дед.

Но она не слушала и продолжала:

— Видно, не знать мне с тобой покоя и на старости лет...

Вовка не понимал, при чём тут дед. Ведь он не виноват, что из лесу какие-то пакостные жучки прилетели. Дед посмотрел на него грустными глазами и сказал:

— Ну, я пошёл, Володя. На работу опаздываю. Скажи потом бабушке, пускай возьмёт банку, нальёт воды да жучков с картошки и огурцов пообирает. И ты ей помоги с Мишей. Огород небольшой, авось справитесь.

Почти целый день бродил Вовка по грядкам вместе с бабушкой и Мишуткой. В руках у них были стеклянные полулитровые банки с водой. Жучки, упав в воду, трепыхались, барахтались, но крылья их намокали, и они не могли взлететь.

— Ага, — торжествовал Вова, опуская в банку очередного жука, — не будешь на чужие огороды нападаты!..

К вечеру на картофельной ботве и огурцах не осталось, пожалуй, ни одного жучка. Бабушка успокоилась и стала заводить тесто на пирожки.

Дед, вернувшись с работы, взглянул на её подобрешее лицо и весело подмигнул Вовке.

А наутро, выйдя на огород, Вовка увидел, что жучков на кустах видимо-невидимо.

Бабушка молча сидела на крыльце, подперши ладонью щеку. Она напоминала маленькую обиженную девочку, может быть, ещё потому, что потеряла шпильки и тоненькие седенькие косички выбились на её плечи.

Вовка схватил банку и, стиснув зубы, снова принялся обирать жучков. Но теперь он уже не был уверен в том, что завтра этих противных букашек не будет ещё больше.

Тайга словно обозлилась, что её растревожили, и всё насылала и насылала на бабушкин огород маленьких прожорливых мстителей.

Дед даже калиткой старался не скрипеть, когда приходил с работы.

Вовке уже надоело ловить жучков в полулитровую банку — всё равно их словно кто горстями разбрасывает...

Щепки собирать возле новых домов — это да! Там весело: топоры стучат, визжат пилы, нет-нет кто из плотников и песню затянет.

Дед с химическим карандашом, заложенным за ухо, ходит от одного сруба к другому — там проверит уровнем, прямо ли поставлены столбы, там промерит дверные проёмы. Все его слушаются, не то что бабушка, совета просят.

Да, конечно, на стройке настоящее дело, это не бабушкины грядки. И чего так огорчаться? Ну, про-

падёт картошка, подумаешь! Что ж теперь, ложись и помирай?

С такими мыслями Вовка однажды сидел на бревне и смотрел, как работают плотники.

Из мешка топорщились свежие щепки, собирать уже было некуда, но уходить не хотелось.

— Передышка, ребята! — объявил дед.

Плотники рассаживались на брёвнах, закуривали.

— Ну, как там бабка наша? — Дед присел рядом с Вовкой. — Всё горюет?

Вовка молча кивнул головой.

— Что, плохо? — участливо спросил деда один из плотников.

— Не говори... Запилила меня старуха за этот огород.

— Дедушка, — вмешался в разговор Вовка, — ну чего она так? Плюнуть, да и всё тут. Из совхоза овощей привезут.

Ещё не договорив, Вовка почувствовал неладное. Дед смотрел куда-то в сторону, а плотник, сидевший рядом, ехидно кашлянул.

— До чего же умные дети пошли! — с наигранным удивлением сказал он. — Ишь ты, плюнуть. Дед трудился, корчевал, бабка садила, а внуку наплевать.

В этот миг Вовка охотно поменялся бы ролями с бревном, на котором сидел. Пусть бы его пилили, снимали стружку, всё было бы легче, чем от этих спокойных, насмешливых слов.

А другой плотник сказал:

— Как-никак первый огород в посёлке. Выходы-то ох и хорошие были! Идёшь мимо, заглянешь через ограду — и вроде теплей на душе становится: вот недавно тайга была — не пройти, а теперь грядочки аккуратные, картошка зеленеет. Я и жинке своей про него расписал. Она страсть как огородничать любит!.. Приедет, первым долгом захочет поглядеть...

— Глядеть-то, пожалуй, не на что будет, — невесело усмехнулся дед.

— К агроному бы обратиться, в совхоз... Есть же, наверно, средства от этой пакости.

— Думал уже, — поднялся с места дед. — На всё время надо. Мне с работы никак нельзя, а у старухи вот внучата на руках... Ну, кончай, ребята, перекур.

Вовка молча поднял мешок и поплёлся домой. Тяжело бывает на душе, когда ляпнешь глупость, а потом только поймёшь. Теперь все дедовы товарищи перестанут его уважать. Да и сам дед... Эх, нехорошо!

И как он сам, Вовка, не додумался, что дело не в капусте с картошкой, а в другом, более важном! Первый огород в посёлке Новом! Нет, нельзя допустить, чтобы он погиб. Но что делать? Что делать?

Где-то далеко, за излучиной реки, густо загудел пароход. И тут Вовку осенило — нужно спешить!

На счастье, бабушки и Мишутки дома не оказалось: видно, ушли в ларёк за продуктами.

Вовка открыл замок, который висел на дверях только для виду, и вошёл в избу. Сборы были недолги. Он взял старую отцовскую сумку — планшетку, в ко-

торой хранил все свои сокровища, в том числе и деньги, накопленные на игру «Конструктор». «Конструктор» может и подождать. Вовка сунул в сумку краюшку хлеба и два куска сахара и уже направился к дверям, но потом остановился, подумал, достал карандаш и большими печатными буквами написал на стене под гвоздём, на который дед обычно вешал кепку:

Я паехал к агроному...

Как видите, он сделал две ошибки. Но, когда человек замышляет важное дело, где ему думать о правописании гласных!

Дебаркадера в посёлке ещё не было. Билеты продавались прямо на пароходе.

— Ты, парнишка, один едешь? — удивился кассир, когда Вовка, поднявшись на цыпочки, просунул нос в окошко.

— А я, дяденька, до совхоза... Там меня тётка встретит.

— Ну ладно, тётка так тётка. Не балуйся только на пароходе.

Вовка долго любовался твёрдым картонным билетиком с дырочкой посередине. Это был первый билет в его жизни, купленный собственноручно.

Ничего, он ещё всем докажет! И с агрономом сумеет договориться.

Агроном представлялся ему огромным усатым здоровяком. Может, поэтому Вовка и ошибку сделал в этом слове — написал через «о»: «огроном». Перед глазами Вовки живо встала картина: агроном в высоких сапогах, как у охотника, широко шагает по полям. А Вовка бежит следом...

«Дяденька! — кричит он. — Дяденька!»

«Ну, чего тебе?» — наконец обернётся он.

И Вовка начнёт рассказывать про бабушкин огород.

Может быть, тогда агроном громко захохочет и скажет:

«Как тебе не стыдно отрывать меня от дела? Посмотри, какие вокруг поля, а я должен думать о каком-то малюсеньком огородишке...»

Вовка невольно хмурится и сочиняет в уме целую речь:

«Ну как вы не поймёте, товарищ агроном! Это же не просто огородишко, — это первый огород в посёлке Новом! Его надо спасти...»

И тогда...

— Эй, малец! Сейчас твоя остановка! — окликнул его проходивший мимо кассир. — Тётка-то небось уж на берегу.

— Ага, дяденька, — подхватил Вовка, — вон она стоит. — И он указал на женщину в цветастом платье, которая стояла впереди всех встречающих.

Пароход причалил. Вовка, подхватив сумку, вприпрыжку побежал по сходням.

И тут случилось такое, что, брякнись прямо к его ногам в воду раскалённый шипящий метеорит, Вовка и то меньше поразился бы.

Та самая женщина, про которую Вовка сказал кассиру, что она его тётка, вдруг окликнула его:

— Сюда, Вова, сюда! — И, видя, что Вовка не может сдвинуться с места от испуга и удивления, добавила: — Да, да, я тебя зову...

— Ну, чего стал! — сердито отодвинул его плечом мужчина с тяжёлым чемоданом. — Путается под ногами... А вы, мамаша, чего смотрите? Заберите ребёнка!

— Идём. — Женщина взяла Вовку за руку и повела к машине, обтянутой пропылённым брезентом.

Ошеломлённый Вовка прошёл несколько шагов, а потом всхлипнул и выдернул руку:

— Куда вы меня ведёте? Что вам от меня надо?

— Ну, чего ты испугался, глупенький? — погладила его по голове женщина.

Вова досадливо мотнул головой.

— Успокойся. Позвонил мне твой дедушка, описал твои приметы, очень просил встретить и завтра же на обратный пароход посадить. Пойдём же, машина ждёт.

Теперь уж ничего не оставалось, как послушаться и сесть в машину. И надо же было деду позвонить! Теперь эта незнакомая тётка ни за что не отпустит его одного в поле искать агронома. В лучшем случае пойдёт с ним. А так уже неинтересно. И почему это его все считают маленьким, несамостоятельным. По головке гладят...

Вовка неприязненно покосился на загорелое обветренное лицо своей спутницы.

Машина свернула в ворота и остановилась во дво-

ре какого-то длинного одноэтажного здания, крытого красным железом.

— Вот и приехали! — весело сказала женщина. — Теперь пошли ко мне, гостем будешь.

— Некогда мне по гостям расхаживать, — угрюмо буркнул Вовка. — Я по делу приехал.

— Ах, да, — засмеялась женщина. — Это насчёт огорода?

В полутёмном коридоре было много дверей. Возле одной из них женщина остановилась и стала искать в сумочке ключ. На двери висела какая-то табличка под стеклом. Вовка пригляделся: «Главный агроном совхоза Н. А. Калашникова». Главный агроном!

— Ну, чего же ты стал? Проходи. — Женщина легонько взяла Вовку за плечи и протолкнула в открытую дверь кабинета. — Первым долгом дедушке позвоним, а то он тревожится...

Билет на обратный пароход покупала Вовке сама Нина Андреевна — так звали главного агронома. И вообще она обращалась с ним, как с маленьким: гладила по голове, поправляла воротник у рубашки, а на прощание даже чмокнула его в макушку. Вовка всё выносил мужественно — ради дела стоило пострадать. Он крепко держал в руках авоську с большой тёмной бутылкой и бумажными пакетиками. В них было спасение для бабушкиного огорода, первого в посёлке Новом.

СОДЕРЖАНИЕ

Хрустальный лес	3
Дед-непосед и его внучата	17

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Черноголовина Галина Васильевна

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛЕС

Ответственный редактор *Л. Г. Тихомирова.*

Художественный редактор *С. И. Нижняя.*

Технический редактор *Е. М. Захарова.*

Корректор *К. П. Тягельская*

Сдано в набор 22/1 1965 г. Подписано к печати 3/III 1965 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,42. Тираж 150 000 экз.

ТП 1965 № 199. Цена 5 коп.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский п. 1,
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государ-
ственного комитета Совета Министров РСФСР по печати,
Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 1722

Цена 5 коп.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

В 1965 году в серии «Книга за книгой» издаются следующие книги для детей младшего школьного возраста:

Архангельский В. МУХОМОР И ГРАЧ.

В книгу входят рассказы «Рыжик», «Лялина ошибка», «Счастливый малыш» и другие. Это рассказы о юных натуралистах, любящих природу и охраняющих животных.

Беляев В. ГОЛОС ТАРАСА.

В книгу входят рассказы «Голос Тараса» и «Грозное оружие» — о жизни детей в годы гражданской войны на Украине.

Брагин В. ОРАНЖЕВОЕ КРУЖЕВО.

В книгу входят рассказы «О чём кринат дятлы», «Сосновая шишка», «Два рассказа об одном орешке» и другие. Это рассказы натуралиста о редких и любопытных явлениях в жизни природы.

Кнорре Ф. СОЛЁНЫЙ ПЁС.

Рассказ о приключениях собаки, подобранной в одном из иностранных портов командой советского судна.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.